

18+

М О С К В А

18+

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

♦ р о м а н ♦

Элиза М.

Элиза М.

Между двух огней

«Издательские решения»

М. Э.

Между двух огней / Э. М. — «Издательские решения»,

Алине тридцать лет, семь из которых — с одним мужчиной. Жизнь понятная, тёплая, почти счастливая. До того апрельского дождя. До лифта. До Артёма Сорокина — девелопера, который строит дома и смотрит на людей так, будто видит их изнанку. Москва не прощает нерешительности. Рано или поздно она задаёт единственный вопрос, который имеет значение: чего ты хочешь — не что правильно, а чего хочешь?

© М. Э.

© Издательские решения

Содержание

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ	6
СОДЕРЖАНИЕ	7
ЭПИЛОГ	8
Москва. Три часа ночи	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
Не та кнопка	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
Тот, кто приходит вовремя	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
Гравитация	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Между двух огней

Элиза М.

© Элиза М., 2026

ISBN 978-5-0070-8089-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

роман

18+

Все персонажи и события вымышлены. Совпадения случайны.

Содержит сцены эротического характера. Только для лиц старше 18 лет.

Москва. Апрель. Дождь и не та кнопка в лифте.

Алина — редактор, тридцать лет, семь лет с Даниилом. Жизнь понятная и чуть вытянутая — как любимый свитер. Всё меняет случайная встреча с Артёмом Сорокиным: девелопером, который строит дома и смотрит на людей так, будто видит их изнанку. Между ними — взгляд в зеркале лифта, крыша над городом, старая фабрика и вопрос, который Москва задаёт только раз: чего ты хочешь — не что правильно, а чего хочешь?

Роман о выборе между безопасностью и огнём. О трёх мужчинах и одной женщине, которая решается быть честной — с ними и с собой.

СОДЕРЖАНИЕ

Эпилог.	<i>Москва. Три часа ночи</i>
Глава первая.	<i>Не та кнопка</i>
Глава вторая.	<i>Тот, кто приходит вовремя</i>
Глава третья.	<i>Гравитация</i>
Глава четвёртая.	<i>Точка невозврата</i>
Глава пятая.	<i>Нежность и огонь</i>
Глава шестая.	<i>Изнанка</i>
Глава седьмая.	<i>Утро, которое всё знает</i>
Глава восьмая.	<i>Цена честности</i>
Глава девятая.	<i>Четырнадцать дней</i>
Глава десятая.	<i>День, который решает</i>
Глава одиннадцатая.	<i>После</i>
Эпилог.	<i>Три часа ночи. Балкон. Москва.</i>

ЭПИЛОГ

Москва. Три часа ночи

Я стояла на краю балкона семнадцатого этажа и смотрела вниз, на город, который никогда не спит. Огни Москвы мерцали в ночном воздухе — красные, белые, жёлтые, — и от этого зрелища у меня перехватывало дыхание так же, как раньше перехватывало от него.

От Артёма.

Позади скрипнула дверь, и я почувствовала его ещё раньше, чем он коснулся моей спины. Тепло его ладоней сквозь тонкий шёлк. Запах — тот самый, от которого у меня до сих пор темнеет в глазах. Сандал, табак, что-то своё, неповторимое, что я не могла бы описать словами, но узнала бы с закрытыми глазами в толпе из тысячи мужчин.

— Ты не спишь, — сказал он. Не спросил — констатировал.

— Нет.

Его руки обхватили меня сзади, и я закрыла глаза. Там, внизу, пульсировал город. Где-то в этом городе спал Даниил. Даниил, которого я любила семь лет. Даниил, чьи вещи ещё висели в нашем шкафу. Даниил, который ничего не знал.

Или знал?

— О чём думаешь? — выдохнул Артём мне в затылок.

Я усмехнулась горько.

— О том, как три месяца назад моя жизнь была совершенно другой.

Он помолчал. Потом медленно развернул меня к себе. В темноте его глаза казались почти чёрными — не серыми, какими были днём, а именно чёрными, бездонными, опасными. Я знала, что надо отступить. Я знала, что за этим взглядом — пропасть. И всё равно не двинулась с места.

— Алина, — сказал он тихо, и моё имя в его устах звучало как приговор.

Он наклонился, его губы почти коснулись моих. Почти.

— Расскажи мне, с чего всё началось.

И я рассказала.

* * *

Хочешь знать, как хорошая девочка превращается в женщину, которая стоит ночью на чужом балконе и не знает, какую жизнь выбрать? Тогда начнём сначала. С того самого дня, когда я вошла в лифт и нажала не ту кнопку.

С того дня, когда Москва показала мне своё второе лицо.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не та кнопка

Если честно, этот день начался отвратительно.

Я проснулась в шесть утра от того, что Даниил переставлял на кухне кастрюли — он всегда так делал, когда злился, но не хотел говорить об этом вслух. Глухой металлический лязг, потом ещё один. Я лежала и считала удары, глядя в белый потолок нашей квартиры на Сретенке. Пять ударов. Значит, сильно злится.

Мы поссорились накануне вечером — из-за ерунды, как всегда. Я сказала, что устала от его друзей, которые приходят каждую пятницу и занимают всю гостиную до полуночи. Он сказал, что я стала занудой. Я сказала что-то в ответ, уже не помню что. Потом мы оба замолчали и разошлись по разным углам нашей трёхкомнатной квартиры, которая внезапно стала казаться очень маленькой.

Семь лет вместе. Два из них — в этой квартире. Иногда я думала: почему семь лет, а не семнадцать или семьдесят? Что изменилось? И не могла ответить. Просто в какой-то момент мы перестали быть друг для друга новыми. Стали привычными, как любимый свитер — удобными, мягкими, немного вытянутыми на локтях.

Я встала, умылась, выпила кофе стоя у окна — Даниил к тому времени ушёл на пробежку, и квартира снова стала моей. За стеклом просыпалась Сретенка: первые прохожие, первые машины, голуби на карнизе напротив. Москва по утрам всегда немного другая — тише, честнее, без своего обычного столичного снобизма.

Я оделась и поехала на работу.

* * *

Я работаю редактором в небольшом издательстве — не в том громком, которое все знают, а в камерном, которое выпускает хорошие книги небольшими тиражами. Мы сидим в старом особняке в Замоскворечье, где зимой в углах стоит холод, а летом пахнет нагретым деревом и бумагой. Я люблю это место. Наверное, это единственное место в Москве, где я чувствую себя по-настоящему на месте.

В то утро у меня была назначена встреча с автором — Геннадием Павловичем Смирновым, семидесятилетним профессором, который написал мемуары о советском театре. Рукопись была хорошей, но длинной, и мне предстояло объяснить ему, что треть надо сократить. Геннадий Павлович был человеком гордым, и я заранее готовилась к долгому и мучительному разговору.

Встреча прошла именно так, как я и ожидала. Два часа. Чай, который я выпила трижды. Мягкие возражения с моей стороны, негромкое, но твёрдое несогласие с его. В итоге мы пришли к компромиссу — убираем две главы целиком, остальное оставляем. Геннадий Павлович пожал мне руку с видом человека, проигравшего сражение, но не войну, и ушёл.

Я выдохнула. Посмотрела на часы. Половина второго — обед.

Наши ходят обедать в кафе за углом, но я не была в настроении для коллективного похода. Поэтому накинула пальто, взяла сумку и вышла одна — просто пройтись, купить что-нибудь на вынос, подышать.

Апрельская Москва была в тот день особенно красивой. Знаешь, есть такие дни в начале весны, когда солнце уже тёплое, а воздух ещё свежий, и всё вокруг кажется немного нереальным — слишком чистым, слишком ярким? Вот именно такой день. Я шла по Большой Ордынке, подставив лицо солнцу, и думала, что, может быть, жизнь не так уж плоха. Что с Даниилом помиримся. Что всё наладится.

Оптимизм длился ровно до момента, когда пошёл дождь.

Он начался внезапно — без предупреждения, без туч на горизонте, просто из ниоткуда. Сначала редкие капли, потом через минуту — стена воды. Я юркнула под козырёк ближайшего подъезда, прижавшись к двери, которая неожиданно поддалась.

Это оказался бизнес-центр. Не очень большой, но явно дорогой — мрамор в холле, строгий охранник за стойкой, консьерж с нейтральным лицом. Я стояла на пороге, с которого капала вода, и соображала, выгонят меня или нет.

— Можете переждать, — сказал охранник без выражения. Видимо, промокших прохожих он видел не в первый раз.

Я кивнула и отошла в сторону, к высокому зеркалу у стены. Вид у меня был катастрофический. Волосы облепили лицо, тушь поплыла под глазами, пальто потемнело от воды. Я достала платок, вытерла лицо и стала ждать.

Дождь не собирался заканчиваться.

Минут через десять я поняла, что стоять посреди чужого холла и ждать неизвестно чего — не лучший план. Я решила подняться на верхний этаж — там, в таких бизнес-центрах, часто бывают кафе или хотя бы автоматы с кофе. Подошла к лифту, нажала кнопку.

Двери разъехались.

Я шагнула внутрь, и в ту же секунду с другой стороны в лифт стремительно вошёл мужчина.

Мы едва не столкнулись.

— Простите, — сказал он и сделал шаг назад, пропуская меня.

Я подняла глаза.

* * *

Потом я долго думала: что именно меня поразило в ту первую секунду? Его внешность? Возможно. Он был из тех мужчин, которых замечаешь сразу — высокий, темноволосый, с той особой уверенностью в осанке, которую не купишь и не наработаешь в спортзале. Лет тридцать пять, может чуть больше. Пиджак без галстука, закатанные рукава. Взгляд — быстрый, внимательный, серый.

Но дело было не только во внешности.

Дело было в том, как он на меня посмотрел. Не так, как смотрят на случайного человека в лифте — мельком, вежливо, уже забыв через секунду. А как будто увидел что-то интересное. Не меня — промокшую, растрёпанную, с размазанной тушью, — а что-то за этим. И это «что-то» его заинтересовало.

Я почувствовала, что краснею. Господи, мне тридцать лет, я не краснею от взглядов незнакомцев.

— Вы на какой этаж? — спросил он.

Я открыла рот и поняла, что понятия не имею.

— На... — Я посмотрела на панель. Восемь этажей. — На восьмой.

Он нажал восьмой. Потом нажал шестой — для себя.

Двери закрылись.

В лифте было тихо — только лёгкий гул подъёмника и звук дождя, доносившийся откуда-то снаружи. Я уставилась в зеркальную стену напротив. Он стоял чуть сзади и правее. Я видела его отражение, и это было странно — смотреть на него через зеркало, не поворачиваясь. Как будто он существовал в параллельном измерении.

— Вы не здесь работаете, — сказал он. Тоже не вопрос.

— С чего вы взяли?

— Вы не знали, куда едете.

Я усмехнулась.

— Может, я просто рассеянная.

— Может. — В его голосе была улыбка, хотя в отражении я её не видела. — Или просто спасались от дождя.

Молчание. Лифт полз вверх.

— Алина, — сказала я неожиданно для самой себя.

Пауза.

— Артём.

Лифт остановился на шестом. Двери открылись. Он шагнул вперёд, но на пороге обернулся. Посмотрел на меня — не в зеркало, а прямо, первый раз за всё время.

— Восьмой этаж — это склад, — сказал он спокойно. — Там никого нет. Если вам нужен кофе, лучше на третий.

Прежде чем я успела ответить, двери закрылись.

* * *

На третьем этаже было маленькое кафе для сотрудников — несколько столиков, кофемашина, бутерброды в стеклянной витрине. Девушка за стойкой посмотрела на меня с лёгким удивлением, но ничего не сказала. Я взяла кофе, села у окна и стала смотреть на дождь.

Думала об Артёме? Конечно, думала. Было бы странно не думать. Но я умею быть честной с собой — по крайней мере, в хорошие дни. И в тот момент я сказала себе: это ничего не значит. Красивый мужчина в лифте. Приятный разговор на двадцать секунд. Москва — город десяти миллионов людей, и большинство из них я не встречу никогда больше.

Я выпила кофе. Дождь кончился. Я оделась и ушла.

Артём Сорокин вошёл в мою жизнь через три недели.

И больше не вышел.

* * *

Вечером того дня мы с Даниилом помирились — легко, почти незаметно, как обычно и бывает после наших ссор. Он пришёл домой с цветами — тремя жёлтыми тюльпанами, которые всегда покупал в ларьке у метро, — и я улыбнулась, потому что знала эти тюльпаны уже семь лет. Знала, что он берёт именно три, а не пять и не десять. Знала, что сейчас он поставит их в высокий стакан — у нас нет нормальной вазы, — и скажет что-нибудь вроде «ну и дождь сегодня был, да?».

Он именно так и сказал.

Я рассмеялась — по-настоящему, не из вежливости — и обняла его. Он пах улицей и своим любимым гелем для душа, и в эту секунду всё было хорошо. Правда хорошо.

— Как прошёл день? — спросил он.

— Попала под дождь, — ответила я. — Пряталась в каком-то бизнес-центре.

— Бедняга.

— Ничего. Там был хороший кофе.

Я не упомянула про лифт. Не потому что скрывала — просто нечего было скрывать. Мужчина в лифте. Имя. Четыре слова. Это не история.

Тогда я ещё не знала, что это — пролог.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тот, кто приходит вовремя

Есть такая теория — не научная, моя собственная, — что люди появляются в нашей жизни именно тогда, когда мы наиболее уязвимы. Не когда нам хорошо и не когда совсем плохо, а именно в промежутке — когда всё вроде бы нормально, но внутри что-то слабо и тихо болит, как старая ссадина, о которой забываешь днём, но вспоминаешь ночью.

Именно в таком состоянии я находилась, когда в мою жизнь вошёл Михаил.

Произошло это на книжной ярмарке — той самой, которую наше издательство проводит каждую весну в большом выставочном зале у набережной. Три дня, десятки стендов, запах свежей типографской краски и кофе из термосов. Я каждый год работаю на нашем стенде — встречаю авторов, разговариваю с читателями, подписываю договоры. Работа, которую я люблю, хотя к концу третьего дня ноги болят так, что хочется плакать.

Михаил появился во второй половине первого дня.

Я стояла за стойкой и объясняла пожилой женщине разницу между двумя изданиями одной и той же книги — старым и новым, с дополненным предисловием, — когда краем глаза заметила мужчину, остановившегося у нашего стенда. Он рассматривал книги неторопливо, как рассматривают что-то по-настоящему интересное, — не листая бегло, а беря в руки, читая первый абзац, потом последний, потом снова первый.

Я закончила с покупательницей и подошла.

— Если выбираете между этими двумя, — сказала я, кивнув на книги у него в руках, — берите вот эту. — Я указала на тёмно-синюю обложку. — Перевод лучше.

Он поднял глаза.

Первое, что я подумала: у него очень спокойное лицо. Не безразличное — именно спокойное, как будто этот человек давно разобрался с большинством вещей, которые других выводят из равновесия. Лет тридцать восемь, может сорок. Светлые волосы с ранней сединой на висках. Открытый взгляд — карие глаза, тёплые, почти янтарные.

— Вы уверены? — спросил он. — Я слышал, что первый перевод считается каноническим.

— Так говорят люди, которые читали только его. — Я взяла книгу из его рук и открыла на третьей странице. — Вот, смотрите. «Он шёл по улице неторопливо» — это первый перевод. А вот второй: «Он шёл так, будто торопиться было не к кому». Чувствуете разницу?

Он посмотрел. Помолчал.

— Беру синюю, — сказал он.

Я улыбнулась.

Он купил три книги. Потом вернулся через час и купил ещё две. На третий раз я уже смеялась.

— У вас дома всё хорошо? — спросила я. — Вы уверены, что вам не нужна помощь?

Он смотрел на меня с таким видом, как будто я сказала что-то неожиданно точное.

— Меня зовут Михаил, — сказал он. — И у меня есть предложение.

* * *

Предложение оказалось кофе.

Я, в общем-то, не собиралась соглашаться. Не потому что он мне не понравился — как раз наоборот. Просто у меня был Даниил, у меня была работа, у меня была жизнь, в которой я привыкла не делать резких движений. Но он сказал «кофе» так просто, без нажима, без

того охотничьего прищура, который я научилась распознавать за годы жизни в Москве, — и я сказала «да» прежде, чем успела придумать причину отказать.

Мы пошли в кафе на первом этаже того же здания. Сели у окна. Он заказал два американо и спросил:

— Вы всегда так разбираетесь в том, что продаёте? Или только в переводах?

— Я редактор, — ответила я. — Я работаю с текстами каждый день. Поневоле начинаешь слышать разницу между «шёл неторопливо» и «шёл, будто торопиться было не к кому».

— Это важно — слышать разницу, — сказал он серьёзно. — Большинство людей не слышат.

Мы проговорили два часа. Про книги сначала, потом про что-то ещё — я уже не помню точно, как один разговор перетёк в другой. Оказалось, что Михаил — архитектор, у него своё небольшое бюро, он проектирует жилые дома и иногда общественные пространства. Из Петербурга, в Москве уже шесть лет. Разведён два года назад, есть сын двенадцати лет, живёт с матерью в Питере, приезжает каждые две недели.

Он рассказывал об этом ровно и без надрыва — не жалея себя и не обвиняя бывшую жену. Просто: так получилось, жизнь сложилась иначе. Мне это понравилось больше всего остального.

— А вы? — спросил он в какой-то момент.

— Что — я?

— Расскажите про себя. Вы слушаете очень хорошо, но сами почти ничего не говорите. Я подумала.

— Я живу с молодым человеком, — сказала я ровно. — Семь лет.

Короткая пауза.

— Понятно, — сказал Михаил. И голос его не изменился совсем — ни разочарования, ни отступления, просто принял информацию. — Тогда давайте ещё кофе. Просто как два человека, которым есть о чём поговорить.

Я посмотрела на него. На это спокойное лицо, на янтарные глаза, в которых не было ни обиды, ни игры. И почему-то именно это — вот эта абсолютная незатейливая честность — сделала что-то странное с моим сердцем.

— Давайте, — согласилась я.

* * *

Мы обменялись номерами. Я сама не понимала зачем — просто сделала это, как делают что-то, о логике чего не думаешь, пока оно уже не произошло.

Вечером, в метро, я смотрела на его имя в телефоне. Михаил Соловьёв. Архитектор. Две книги про японский минимализм и одна про историю московского конструктивизма. Сын в Петербурге. Кофе без сахара.

И тут я поймала себя на том, что думаю не о нём.

Я думала об Артёме.

О серых глазах в зеркальной стене лифта. О том, как он произнёс моё имя — не вопросительно, а как будто проверял, как оно звучит. О том, что он знал про склад на восьмом этаже. Кто знает про склад на восьмом этаже чужого здания? Человек, который там работает. Значит, тот бизнес-центр — его.

Я тряхнула головой.

Михаил — реальный. Михаил — живой человек, с которым я провела два часа и которого знаю. А Артём — это имя в лифте, двадцать секунд, отражение в зеркале. Этого не существует.

Я убрала телефон и уставилась в тёмное стекло вагона.

Своё отражение я почти не узнала.

* * *

Михаил написал через три дня. Не сразу — через три дня, и это тоже говорило о нём что-то важное.

«Алина, добрый день. Это Михаил с ярмарки. Дочитал синюю книгу. Вы были правы — перевод лучше. Если захотите обсудить, я готов угостить кофе ещё раз. Без обязательств».

«Без обязательств» — две простых слова, которые сняли всё напряжение разом. Я перечитала сообщение дважды, потом написала: «Жду вашего мнения о третьей части. Там есть один момент, который меня всегда смущал».

Он ответил через минуту: смайлик с книгой и дата — следующая среда.

Я улыбнулась. Убрала телефон. И тут же подумала: что я делаю?

Что я делаю.

Ответ был простым и некомфортным: я наслаждалась вниманием. Не потому что Даниил плохой — он не плохой, он хороший, он мой. Просто Даниил давно перестал смотреть на меня так, как смотрел Михаил за столиком того кафе. С интересом. С желанием услышать следующее слово.

Мы с Даниилом разговариваем каждый день — про еду, про работу, про сериалы, которые смотрим вечерами. Это не плохие разговоры. Но они давно не требуют от меня ничего — ни мыслей, ни удивления, ни желания сформулировать что-то точнее обычного.

С Михаилом за два часа я хотела говорить точнее. Это пугало.

* * *

Среда наступила. Мы встретились в небольшом кафе в Замоскворечье — он сам предложил, сказал, что знает место. Место оказалось хорошим: деревянные столы, много света, хозяйка с цветком в волосах. Не модное и не пытающееся быть модным.

Михаил уже сидел, когда я пришла. Встал, когда увидел меня. Не театрально — просто встал, как встают при появлении человека, которого ждали. Я поняла, что давно не видела, чтобы кто-то вставал, когда я входила.

— Вы промокли, — сказал он.

— Снова дождь, — призналась я. — Я, кажется, отношусь к тому типу людей, которых дождь находит всегда.

— Это не так плохо, — ответил он серьёзно. — Дождь выбирает интересных.

Я засмеялась — неожиданно для себя, по-настоящему.

Мы говорили снова долго. О книге — да, но это был повод, не суть. О его работе: он рассказывал о проектировании так, что я слышала за словами что-то живое — как пространство может давить на человека или, наоборот, освобождать его. «Архитектура — это скрытое управление самочувствием», — сказал он в какой-то момент, и я записала это мысленно, потому что хотела запомнить.

О моей работе: он спрашивал про редактуру не формально, а как будто ему правда интересно — как принимать решение, что оставить, а что убрать, где граница между правкой и вмешательством.

— Это как реставрация, — объяснила я. — Ты не создаёшь новое. Ты помогаешь найти то, что уже есть, но скрыто под лишним.

— Именно так, — сказал он тихо. — Именно так.

И посмотрел на меня — не как смотрят, когда хотят произвести впечатление. Как смотрят, когда узнают что-то, что давно искали.

Я опустила глаза в чашку.

Внутри что-то тихо и тревожно сдвинулось.

* * *

Он проводил меня до метро.

Мы шли по вечерней улице, фонари только зажглись, и Москва в этот час была особенно хорошей — не громкой, не суетливой, а такой, какой бывает только для двух человек, которые идут рядом и не спешат.

У входа в метро он остановился.

— Алина, — сказал он. — Я хочу быть честным.

Я почувствовала, как сжалось что-то внутри.

— Вы мне очень нравитесь. — Он говорил спокойно, без спешки, глядя прямо на меня. — Я это понял ещё на ярмарке. И я не собираюсь делать вид, что мне всё равно, или играть в просто-друзей, если мне не всё равно. Но я также понимаю вашу ситуацию. Поэтому — никакого давления. Никаких ожиданий. Если вам хорошо просто разговаривать — я рад разговаривать. Если захотите большего — скажете. Если не захотите никогда — тоже нормально. Я взрослый человек.

Я молчала. Не потому что не знала, что сказать. Потому что горло перехватило от неожиданности — от того, как просто и прямо он это сказал. Без манипуляций, без красивых слов, без расчёта.

— Михаил...

— Не нужно сейчас ничего отвечать, — сказал он мягко. — Это не ультиматум. Просто хотел, чтобы вы знали.

Он кивнул — как прощаются спокойные люди — и повернулся уходить.

— Михаил, — окликнула я.

Он обернулся.

— Спасибо. За честность.

Он улыбнулся. Первый раз по-настоящему — и улыбка у него была тёплой, немного усталой, очень живой.

— До встречи, Алина.

Я смотрела ему вслед, пока он не свернул за угол.

* * *

В метро я стояла у дверей вагона и пыталась разобраться в том, что происходит внутри.

Михаил — хороший человек. Это слово кажется простым, почти банальным, но попробуй найди его в Москве в тридцать лет. Хороший — не в смысле удобный или послушный. Хороший в смысле настоящий. Такой, рядом с которым не нужно следить за каждым словом. Такой, который говорит то, что думает, и не ждёт, что ты угадаешь.

Даниил тоже хороший. Я честно повторила это себе, глядя на свой размытый силуэт в тёмном стекле. Даниил хороший. Мы семь лет. У нас квартира и привычки и совместные воспоминания, которые никуда не денутся.

Тогда почему, спрашивала я себя, сегодня вечером я чувствую себя живее, чем за последние несколько месяцев?

И почему именно сейчас, думая о Михаиле и его янтарных глазах и его честном «вы мне нравитесь», я вдруг вспомнила другие глаза — серые, в зеркале лифта, — и имя, которое не давало мне покоя уже три недели?

Артём.

Я даже не знаю его фамилии.

Я закрыла глаза и почувствовала, что устала. Не физически — глубже. Устала от этого внутреннего шума, от вопросов без ответов, от ощущения, что жизнь — такая, казалось бы, понятная и выстроенная жизнь, — вдруг дала трещину. И через эту трещину сочится что-то беспокойное, тёмное, захватывающее.

Что-то, от чего хочется убежать.

И к чему тянет так сильно, что страшно.

* * *

Дома Даниил жарил картошку. Пах чесноком и звук шипящего масла был таким домашним, таким знакомым, что у меня на секунду защипало глаза.

— Привет. — Он оглянулся. — Долго сегодня.

— Встреча затянулась, — сказала я. Не соврала. Почти.

— Голодная?

— Очень.

Мы поели на кухне — картошка, огурцы, хлеб, — и смотрели какое-то глупое шоу на ноутбуке, и смеялись в одних и тех же местах, потому что семь лет вырабатывают одинаковое чувство юмора. Потом он обнял меня на диване, и я прижалась к нему, и думала: вот, вот оно — это и есть жизнь. Тепло, привычка, безопасность.

Почему же мне было так беспокойно?

Почему в голове крутилось: «он шёл так, будто торопиться было не к кому»?

И почему образ, который никак не отпускал меня, — это не Михаил с его тёплыми глазами и не Даниил с его привычными объятиями, а тёмный силуэт в зеркале лифта и серый взгляд, который успел увидеть во мне что-то прежде, чем закрылись двери?

Я не знала ответа.

Но Москва — город, в котором рано или поздно всё случается.

И Артём Сорокин не заставил себя ждать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гравитация

Говорят, что в Москве невозможно случайно встретить одного и того же человека дважды. Десять миллионов жителей, бесконечные районы, сотни маршрутов — вероятность повторной встречи с незнакомцем стремится к нулю. Город слишком большой, чтобы возвращать людей.

Москва вернула мне Артёма Сорокина через три недели после лифта. На вечеринке, куда я не собиралась идти.

Всё началось с того, что Даниил заболел. Обычная весенняя простуда — температура, горло, обиженный вид человека, которому не повезло. В пятницу вечером он лежал на диване с пледом и просил купить лимоны и мёд, и я купила, и сидела рядом, и думала, что, наверное, это и есть настоящая близость — быть рядом именно тогда, когда неинтересно и некрасиво.

В субботу утром мне написала Катя — моя подруга, с которой мы дружим с университета, энергичная, громкая, из тех людей, рядом с которыми невозможно скучать и очень сложно отдыхать.

«Алин, сегодня вечером у Димки презентация его нового проекта, будет весело, человек сорок, приходи, Даниил же не придёт с простудой?»

Я написала: «не знаю».

Она прислала три смайлика и адрес.

Я пришла.

* * *

Вечеринка проходила в лофте где-то в районе старых промышленных кварталов — из тех пространств, которые раньше были заводами или складами, а теперь стали местами для людей с MacBook и льняными рубашками. Кирпичные стены, высокие потолки, гирлянды вместо люстр, бар в углу. Народу было много — Катя не соврала про сорок человек, хотя мне показалось, что больше.

Я взяла вино, нашла Катю, поздоровалась с Димкой — невысоким энергичным мужчиной, который запускал какой-то стартап в сфере городской среды и очень хотел, чтобы об этом узнало как можно больше людей. Он говорил быстро и много, я кивала, думала о своём, отпила вино.

А потом повернулась.

И увидела его.

Артём стоял у дальней стены — один, со стаканом в руке, — и смотрел куда-то поверх голов. Не скучал и не искал компанию. Просто существовал в этом шумном пространстве как-то отдельно от него — как будто лофт со всеми своими гирляндами и разговорами был фоном, а он — нет.

Я остановилась так резко, что Катя налетела на меня сзади.

— Эй, ты чего?

— Ничего, — сказала я. — Споткнулась.

Я смотрела на него секунды три, не больше. Потом отвернулась и решила, что не подойду. Что это нелепо — подходить к мужчине из лифта на чужой вечеринке. Что я замужем — ну, почти замужем, семь лет это почти то же самое. Что у меня есть вино и Катя и вполне себе неплохой вечер.

Я продержалась минут двадцать.

* * *

Он подошёл сам.

Я стояла у окна — смотрела на ночные крыши, пила вино, делала вид, что мне очень интересно то, что рассказывает какой-то знакомый Кати про инвестиции, — и вдруг почувствовала, что кто-то встал рядом. Не вплотную — с расстоянием в полшага. Но я почувствовала.

Повернулась.

Артём смотрел на меня — спокойно, как будто мы расстались час назад, а не три недели.

— Восьмой этаж, — сказал он вместо приветствия.

У меня перехватило дыхание — не от испуга, от чего-то другого, что я не сразу нашла, как назвать.

— Третий, — ответила я. — Кофе был хорошим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.